

Елена Кочешкова

**Шут**

**Книга III:**

**СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР**

T8 RUGRAM

УДК 82-31  
ББК 84(2)  
К75

**Кочешкова Е.**

К75 Шут. Книга III: Солнечный ветер / Е. Кочешкова. — М. : Т8  
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 446 с. — (Шут).

ISBN 978-5-521-91392-3

Вчера ты — нищий акробат, сегодня — дворянин и лучший друг короля, твоя прекрасная невеста ждет первенца, а жизнь наконец обрела равновесие и покой. Однако коварная судьба не дает передышек: грядет война, а старые враги опять готовы свести счеты. Но именно в этом вихре опасных событий раскроются многолетние тайны и бывший маленький шут узнает, кто он такой на самом деле.

BIC FM  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-91392-3

© Елена Кочешкова, текст, 2021  
© Юлия Биленко, обложка, 2021  
© Т8 RUGRAM, 2021  
© Т8 Издательские технологии, 2021

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### ИНТРИГИ

#### 1

— Да стой же ты спокойно, несносный мальчишка! — Госпожа Иголка сердито дернула его за пальцы и ловко расправила вдоль плеча кожаную мерку. — Что за репей тебе под хвост попал?

Шут порывисто вздохнул и переступил с ноги на ногу. Вовсе это был не репей, и не под хвост. Но не сообщать же каждому теперь, что этой ночью ему приснился совершенно чудесный говорящий сон. И вместо того, чтобы вытягиваться по стойке смирно перед мадам Сирень, Шуту больше всего хотелось бежать в цветочную лавку и скупать там подряд все букеты — от полевых ромашек до королевских роз.

— Патрик! Ну в чем дело?! — Портниха отложила в сторону свою измерительную ленту и посмотрела на Шута так, что и захочешь — не соврешь.

— Я... я расскажу, — он даже не пытался спрятать глупой улыбки. — Расскажу. Потом. Сейчас не могу. Мне... мне к Элее очень надо!

— Ох, Пат...

— Что — «ох»? — весело передразнил он мадам Сирень. — Как будто вы мерок моих не знаете! Да уже сто раз по ним шили!

— Сто, не сто, — усмехнулась швея, — а глаза меня не обманули. Ты подрос немного. И в плечах чуть пошире стал. Малость, конечно, а все ж на новые-то размеры костюм получше выйдет.

«Подрос? Вот так фокус!» — Шут мельком глянул на себя в большое зеркало, стоящее между полкой с отрезами ткани и большим цветком в кадучке. Отражение его было совсем обычным. Ну отросли волосы ниже лопаток, надо б их постричь давно уже... Ну лицо не такое круглощекое, как во время последней примерки... И глаза будто стали темней, а взгляд тверже. Но, что ни говори, а росту в нем если и прибавилось, то это только мадам Сирень и могла разглядеть.

«Кто б мог подумать», — удивился он и торопливо стал натягивать просторную белую рубашку из Руальдова гардероба. Его собственные почти все пожрала моль: некому было их перетряхивать да присыпать травами, которые гонят прочь всяких паразитов.

Цветочная лавка располагалась совсем недалеко от дворца. Шут даже дублет не стал застегивать — набросил как попало и быстро побежал через оживленные улочки Внутреннего Города.

Дыхание весны уже коснулось Золотой: воздух был наполнен запахами пробуждающейся влажной земли, теплыми ветрами с юга и птичьим щебетом.

Ворвавшись в лавку, Шут припечатал к столу большую серебряную монету.

— На все! — выдохнул он.

Перепуганный цветочник недоуменно посмотрел на монету, потом на всклокоченного дикоглазого посетителя с шальной улыбкой на лице.

— Чего это вы, господин Патрик, с утра носитесь, точно вас бешеный пес покусал? Кто же так шумит спозаранку? Вон дверь мне едва не разбили. — Все-то он преувеличивал, этот зануда. Дверь у лавочника, хоть и с окошком узорчатым, а покрепче иных ворот. — Каких цветочков изволите? В букетах, в вазах? По сколько штук?

Шут растерялся. Прежде он никогда не делал таких покупок. Если надо было произвести впечатление на дам, обрывал розы прямо с куста в саду. Лавочник поглядел на гостя и усмехнулся: все понял без слов. Выкрикнул двух своих подмастерьев и что-то им быстро растолковал.

— Куда доставить-то? — спросил, уже снуя между вазами и выбирая один цветок за другим.

— Доставить... я думал сам отвезти. — Шут вовсе не хотел лишней раз давать пищу для дворцовых слухов. А если ученики цветочника побывают в новом доме бывшей королевы, то пересудов уж точно не миновать.

— Сами! — воскликнул лавочник изумленно и словно бы даже сердито. — Да на эти деньги знаете, сколько выйдет? Только вдвоем и управиться!

Мгновение Шут колебался, потом махнул рукой и быстро объяснил, как добраться. А к словам своим добавил еще одну серебряную монетку поменьше.

— Узнаю, что разболтали, — сказал он с самым серьезным видом, — пришлю к вам моего шамана. Он-то лишним слов не любит... — Шутил, конечно, но искренне надеялся, что получилось достаточно внушительно.

Кайзу при дворе побаивались. Какие только слухи о нем не гуляли! Поговаривали даже, будто чужеземный колдун может убить одним взглядом. Или одним словом лишить мужской силы. Друзья смеялись над этим меж собой, но разубеждать никого не торопились.

Решив дела с цветами, Шут ненадолго вернулся в свою комнату во дворце. Он хотел, чтобы букеты к его приезду уже были на месте, и потому позволил себе недолго поболтаться на перекладине.

Теперь ему редко удавалось доставить себе такое удовольствие.

Элея наверняка ждала его, сидя у окна: когда Шут подъехал на своем новом жеребце, она уже стояла в дверях, светясь от радости.

— Патрик, это все ты? — она обвела рукой гостиную, заставленную цветами. Воздух был наполнен нежным ароматом сотен роз. Шут кивнул, улыбаясь, и заключил ее в свои объятия.

— Ты почему молчала?

— Молчала? — Элея удивленно приподняла брови. — О чем?

«А вдруг я ошибся?» — внезапный страх молнией обжег нутро, но в следующий миг Шут просто открыл глаза другому и уже наяву увидел то, что узнал ночью. Вернув себя в привычный мир, он заулыбался еще шире.

— Об этом, — его ладонь бережно накрыла живот Элеи, а губы сами собой отыскивали любимую ямку на шее. — Об этом...

Она замерла на мгновение и вдруг обняла его порывисто, жарко.

— Патрик... мой Патрик... Я боялась. Боялась сглазить...

— Глупенькая.

Шут целовал ее, уже не пытаясь остановиться. Но прежде, чем он успел зайти слишком далеко, Элея сочла, что пора несколько сбить высокую торжественность минуты. Немного отстранилась и, лукаво улыбаясь, вздохнула:

— Ради всех богов, выброси уже это несносное тряпье! — Она со смехом потянула за воротник Шутова дублета. Он так и носил этот костюм из Брингалина, пропитанный кровью и потом, повидавший долгие дороги через степь. Шуту казалось, что некогда синяя, но давно потемневшая ткань хранит силу тех земель, тех испытаний, которые выпали на долю путников.

Два дня после этого он не ходил — летал. Не понимая, в чем дело, придворные удивленно перешептывались у него за спиной, множа домыслы и предположения. Наверное, кто-то даже и угадал. Шуту было все равно. Он почти не общался с обитателями Чертога и, если б не Руальд, вовсе не казал бы носу во дворец. Как Элея, которая наотрез отказалась даже на одну ночь остаться в этом муравейнике.

Уже больше недели они жили в небольшом, но очень славном особняке на окраине города. Совсем на окраине. Там, куда возницы только за двойную плату соглашались ехать, потому что в обратный путь все равно желающих не найдется. Но Шуту возница был не нужен: у него теперь имелся свой конь — пепельно-серый жеребец, не особенно породистый, зато с добрым характером и длинной черной гривой, которая во время быстрой скачки больно могла хлестнуть по лицу. Шут не велел ее остригать: ему казалось, коню это не понравится... Элея на такие его домыслы только улыбалась. Сама она вовсе не хотела никуда выбираться, часами могла сидеть у камина и возиться с нитками. Шута это удивляло: прежде королева была глубоко равнодушна к рукоделию. Впрочем, теперь-то он знал, откуда взялась эта задумчивость и склонность к созерцательным неспешным делам.

А мог бы и раньше почувствовать, дурень слепоглазый.

Мысли о чуде, что поселилось у Элеи под сердцем, наполняли Шута невыразимым теплым счастьем. Никогда прежде ему не доводилось испытывать подобных чувств.

«Он будет мой... по-настоящему мой. И никто не отнимет его у нас».

Шут не знал, кого ждет Элея, но почему-то был уверен, что у нее родится именно мальчик.

А на третий день счастье закончилось. Как всегда, неожиданно.

Он просто шел к мадам Сирень по дворцовым переходам, весело насвистывая мелодию, которую услышал во сне. А потом вдруг замер, будто его чугунной сковородой по макушке огрели. Пошатнулся и как стоял, так и сел посреде коридора. Голова кружилась до тошноты, а плечо вспыхнуло яростной болью. Шут рывком задрал свободный кружевной рукав и с тоской уставился на ящерицу, темные узоры которой налились кровью и пульсировали в такт ударам сердца.

«Опять... — Он с ненавистью стиснул зубы, стараясь не закричать от боли, которая закручивалась все сильнее. — Что же это... Неужели теперь всегда... так будет?»

Шуту хотелось выть от отчаяния. Не потому, что угольный рисунок жег горячей огня, а от осознания собственного бессилия и невозможности защитить самое дорогое. Он понимал: эти люди доберутся до него. Рано или поздно доберутся. И не пожалеют тех, кто окажется рядом.

До портнихи Шут так и не дошел. Кое-как приполз к себе и, опустившись на колени, до самой подмышки сунул руку в ведро с холодной водой для умывания. Боль стала не такой острой, теперь она тупо билась под кожей, но все равно была так сильна, что Шут подумал, как бы его не стошнило в это же ведро.

Обошлось. Спустил еще несколько бесконечно длинных минут огонь, терзавший плоть, потух так же неожиданно, как и разгорелся. Шут устало свалился прямо возле ведра и уснул почти в тот же миг.

## 2

Он долго думал, как начать этот разговор. Сгрыз два ногтя под корень, выпил до дна здоровенную бутылку с вином, встретил закат, а потом и рассвет, сидя на подоконнике в своей дворцовой комнате. Одну за другой перебирал Шут

в голове умные и не очень мысли, пытаюсь понять, как же лучше втолковать любимой женщине, что ее место не в чужом доме, а за надежными стенами Брингалина. И на каждый умный довод словно бы слышал голос своей королевы — сердитый, звенящий от обиды и слез.

Нет уж! Довольно Хиргиной смерти.

Довольно...

Шут с отвращением посмотрел на почти пустую глиняную бутылку в своей руке и отбросил ее в сторону. Ему хотелось, чтобы она разбилась, но та оказалась слишком прочной. Лишь с грохотом прокатилась по каменному полу и остановилась, покачиваясь, в углу.

— А что б тебя... — неожиданно для себя он вдруг схватил бутылку и со всей силы грохнул об стену, испытав болезненное облегчение. Он хотел, не теряя больше времени, запрыгнуть в седло и ворваться в сад, где ждала его Элея, прямо сказать ей о своем решении и не думать об извинениях и способах смягчить жестокие слова.

Время не стоит на месте, тем более во дворце: Шут многого не узнал, многие не узнавали его. Никто из господ не спешил проявлять любезность к нему, дамы тоже смотрели с сомнением, не зная, чего ожидать от бывшего дурака. Только слуги тепло и радостно приняли Шута. Весть о том, что господин Патрик жив, облетела дворец быстрее, чем ветер несется по гулким каменным коридорам. Но в дни перед походом к Таронским горам Шут был сам не свой, ничего не замечал. Зато когда он вернулся с Руальдом от разрушенного замка, то обнаружил, что о судьбе его искренне переживала не только мадам Сирень. И больше всего обрадовался, когда в первый же день встретил на кухне Мирту. Служаночка как была, так и осталась вечно занятой маленькой скромницей. Сама она Шута и не заметила бы — слишком сосредоточенно смотрела перед собой, неся на

вытянутых руках поднос с пустыми чашками из-под чьего-то завтрака. И очень удивилась, когда едва не налетела на господина Патрика.

Они долго потом сидели у Шута, вспоминали прошлое, рассказывали друг другу о главных и не очень событиях своей жизни. Шут узнал, что после его побега из дворца Мирта твердо решила для себя никогда больше не оказываться в роли беспомощной затюканной простушки. Упросила старшую горничную взять к себе в помощницы и очень скоро научилась многому, что прежде считала невозможным. А еще у нее появился жених из кузни, и теперь уж точно никто не смел обижать эту девочку. «Вы принесли мне удачу, господин», — тихо сказала она Шуту, и тот понял, что для нее это чистая правда.

Разве он имел право спорить?

Вместо этого Шут с надеждой спросил, не хочет ли Мирта вновь, как и прежде, наводить порядок в его комнате. Ведь ей удавалось это лучше всех... Но девушка лишь печально покачала головой и призналась, что уже несколько месяцев прислуживает лично господину главному ловчему. Увидев искреннее расстройство на лице Шута, она и сама загрустила. «Я не могу сейчас уйти от него к вам, господин Патрик... — прошептала Мирта, опустив глаза. — Простите... Если я уйду просто так, и если вы вдруг снова... уедете... мне никогда больше не видать хорошей работы». Вот и все. Что тут скажешь? Шуту осталось только вздохнуть и пожелать девушке счастья. В те дни он и сам от радости почти летал.

А теперь... теперь и радость, и счастье походили на глиняные осколки, которыми был усеян весь пол.

За спиной послышалось осторожное покашливание.

Шут стремительно обернулся. На пороге стоял какой-то малознакомый лакей. Видать, из новых.